

Эльвира Еникеева

Клятва Гиппо Кратоса

RUGRAM

*Моим маме и папе,
Номеру 19 с благодарностью за все.*

*COME into the garden, Maud,
For the black bat, Night, has flown,
Come into the garden, Maud,
I am here at the gate alone.*

Alfred Lord Tennyson «Maud»¹

¹ Пойдем в сад, Мод,
Ибо черная летучая мышь, ночь, улетела,
Пойдем в сад, Мод,
Я здесь, у ворот, один.

Альфред Лорд Теннисон «Мод»

УДК 82-312.9
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Е63

Еникеева, Э.

Е63 Клятва Гиппо Кратоса / Э. Еникеева. — М. : Издательские технологии / RUGRAM, 2024. — 298 с. — (Зверобойня).

Однажды Гиппо Кратос дал клятву...

Что, если Кровавая Мэри обзаведется пышным лисьим хвостом, Юки-Онна — белыми крыльями, а Элиза Дэй станет привлекательной выдрой?

Вулфджиния полна городских легенд, но самая известная из них — о Волчонке со Стадли-Роуд, который бродит по обочине и воем переворачивает автобусы. Бекка знает о ней не понаслышке, ведь она и есть тот самый Волчонок! Только она давно не призрак и живет в доме самой Кровавой Мэри.

Новый друг Бекки, куница Дункан, помогает маленькой волчице отправиться в Японию, где давным-давно жили ее предки, волки из рода Хонсю. Их ждет сюрприз: японские волки не только не вымерли, но и обладают магией!

Друзей ждет множество приключений, встреча с настоящим “Летучим Голландцем” и Кутисакэ-Онной, прежде чем они распутают клубок тайн Дома Хонсю и поймут, кто — друг, а кто — враг...

УДК 82-312.9
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-90838-7

© Еникеева Э., 2024
© RUGRAM, 2024
© Т8 Издательские технологии, 2024

Глава первая РАЗГОВОР В КЛАВКЕ

В ДОМЕ ПИАНИСТА

Дом наполняла музыка.

Узловатые длинные пальцы касались клавиш фортепиано — белых и черных, как полосы жизни, и чарующие звуки разносились по этажам, выливались из распахнутых окон в пахнущий розами сад.

— Как прекрасно, Лукас, — прошептала волчица в белом платье. — Мне сразу вспоминается наше знакомство... Ты играл как раз этот отрывок из сонаты. А через год мы поженились! Ты же помнишь?

Худощавый волк с красной ниткой на запястье улыбнулся ей.

Их дочь, непоседливый волчонок со всклоченной на затылке шерсткой, сидела в креслице в уголке зала. Фортепиано она терпеть не могла. Но когда твой папа — знаменитый пианист-виртуоз, который играть научился раньше, чем говорить — ничего не попишешь. Бекке придется тоже стать пианисткой.

В зал влетела горничная — пухленькая, круглая, как шарик, шиншилла в сером платье.

— Сэр, к вам опять явился сэр Фараон.

Улыбки сошли с мордочек супругов. Волк, встревожившись, резко встал, кинул на жену тревожный взгляд и молча вышел, жена торопливо покинула зал следом. Шиншилла поспешила за ними. Бекка осталась одна.

Она слышала разговоры взрослых о том, что шакал по фамилии Фараон — сильный черный колдун, сказочно богатый и кровожадный. По словам страших ему нужно, чтобы искусный мастер исполнил некое заклинание. Заклинание древнее и записанное не словами, а нотами, которое повлечет за собой много смертей... Его надлежало исполнить великому пианисту, и за это Фараон обещал озолотить его. Но для Беккиного отца казалось дикостью взять в лапы золото, испачканное чужой кровью. И он отказал.

Фараон, однако, не отступал, предлагал один раз, приказывал второй... И вот, наступил третий.

Дом окутала непривычная тишина. Минут десять Бекка сидела в зале, а потом решила сходить в папин кабинет, чтобы послушать, о чем там говорят. Но дверь оказалась плотно закрыта, и оттуда доносилось лишь что-то тихое и невнятное. Бекка постояла там, пытаясь хотя бы уловить тон сказанного. Папа возмущен и чуть-чуть напуган. Мама тоже боится. А Фараон не говорит, а шипит. Но в его шипении слышна явная угроза.

— Что вы делаете, мисс?!

Бекка обернулась на гувернантку — престарелую сухонькую крысу.

— Я лишь...

— Идите к себе! Живо!

Разочарованная Бекка ушла в свою комнату.

Она часа два сидела, пытаясь занять себя то куклами, то рисованием, а после еще часик читала толстую книжку со сказками. Тут были и такие же, как Фараон, злоден, и храбрые герои, которые их побеждали, и прекрасные принцессы... Папа и ее называет Прин-

цессой. Но мама говорит, что у принцесс безупречные манеры, они знают языки и играют на изысканных инструментах.

За окном начинало темнеть. Голубое небо затянули серые тучи, словно нарисованные грязной водой от акварели.

Бекка взяла плюшевого медведя, уселась на кровать и доверительно зашептала:

— Папочке опять угрожает злой волшебник! Но папа хороший. Поэтому волшебник бессилен! Когда помыслы твои чисты, а поступки правильны, тебя не берет никакая магия! А у папы...

Тишину разрезал вопль.

Бекка прижала медвежонка к груди и пулей вылетела из комнаты.

Дверь в кабинет оказалась раскрыта нараспашку. В дверном проеме стоял папа. Со вскоченной шерстью, безумными налитыми кровью глазами и... Бекка побледнела.

Шерсть у отца на затылке вздыбилась. Он держал в лапе нож для бумаги и скалил острые зубы.

За спиной папы, в кабинете, лежала на полу мама. По белому шелку платья расплывалось алое пятно.

Фараон, высокий шакал с рябой шерсткой и в черном костюме, ухмыляясь, теребил в лапах дорогой мундштук.

— А теперь, мой милый Лукас, — прошелестел он, обращаясь к Беккиному отцу. — Убей и девочку тоже.

На миг в глазах волка мелькнули проблески прежнего сознания.

— Н... Нет. М-моя... При... Принце...

— Возьми пистолет, Лукас, — приказал шакал, кивая на блестящий черный с позолотой пистолет, висящий на стене. Лукас не умел стрелять. Этот пистолет ему подарил кто-то, и с той поры он просто украшал кабинет.

Сегодня его функция должна измениться.

Отец, стиснув зубы, снял пистолет со стены и двинулся к Бекке. Волчонок застыла, не веря собственным глазам.

Лукас сжал оружие, но не выстрелил, а с размаху впечатал кулак Бекке в мордочку. Она упала. Еще удар — из носа пошла

кровь. Еще — кровь обожгла горло. В глазах на секунду потемнело.

Лапа отца снова занеслась. Что-то заставило Бекку вскочить.

Бекка понеслась в сад, наполненный ароматами едва раскрывшихся ночных цветов. К ним прибавлялся запах приближающегося дождя и приближающейся беды.

Открытые ворота заднего двора — и сад позади... Вокруг только зелень, зелень, зелень... Шуршание листвы, вязкая влажная земля... Это конец...

Бекка не чувствовала челюсти. Мордочка горела. Глаза застилали слезы. Кровь уже намочила платье. Бежать было тяжело, она даже не видела толком, куда бежит. Зато ясно слышала позади топот отца. Лукас не торопился, словно желая дочери дать хоть какой-то шанс, но... Разве он мог думать сам?

Бекка споткнулась. Упала. Обочина дороги... Приближающиеся шаги отца. Удар. Удар.

Боль. Боль всюду. В ушах стучит...

Звук выстрела.

Волк рухнул наземь рядом с дочерью. Лукас выстрелил не в нее.

А потом все закончилось. Стало темно и тихо. Боль ушла. Все ушло.

* * *

— ...Вам доводилось бывать в нашем городе прежде? Наш Механиксвилль — лучший городок в Вулфджинии.

— Вам доводилось слышать истории о привидениях, что живут в заброшенных домах?

— Вам доводилось проезжать по Стадли-Роуд поздней ночью, когда луны не видно за серыми тучами? Дорога тоже серая. И деревья по обеим сторонам — серые.

— Вам доводилось видеть там светящуюся в темноте фигурку маленькой девочки, волчонка? У нее вся одежда в крови. И мордоч-

ка тоже — челюсть выбита... Она не может говорить из-за этого. Только тихо скулить и выть. Уже от этого кровь стынет в жилах...

— Нельзя останавливаться, чтобы ей помочь. Иначе вы уже просто не тронетесь в путь...

— А вам доводилось...

— Бред! Ее в тех местах не видят с давней дождливой субботы. Тогда ей помогли. По другую сторону дороги брела черная лисица в белом саване. Она тоже светилась. О ее внешности не скажешь ничего... Но можно кричать. Это уже красноречиво. Она одним прыжком оказалась рядом с волчком. Молча взяла за лапку и увела прочь...

— Где вы слышали такое?

— Тише! Дайте теперь я расскажу! Моя история гораздо интереснее, потому что произошла давно. О прошлом всегда веселей рассуждать...

ВЫДРА ЭЛИЗА

— Иди сюда, Лиза... Ну, давай, скорее! Идем, что ж ты такая медленная?

— Иду, иду! Подожди, постой, я не поспеваю за тобой...

Молодой стройный лис в плаще протянул Лизе лапу и помог перемахнуть через сваленное грозой дерево. Юная выдра весело хихикнула, оглядывая подернутые туманом сумерки.

— Милый, куда мы убежим?

— Далеко отсюда, — таинственно улыбнулся тот. — Туда, где меж нами не встанут ни твой отец, ни соседи.

Лиза зарделась и смущенно поводила по земле блестящим хвостом. Ее спутник вздрогнул от какого-то шороха и повел ее через бурелом быстрее.

— Скорей! Кажется, за нами погоня...

— Что? — испугалась Лиза. — Не хочу возвращаться!

— И не вернешься! — заверил он.

Выдра и лис сошли с тропы, и дорога стала еще тяжелей. Подол зеленого платья Лизы порвался, нежные лапки исцарапали острые ветви — но какая разница? Она была с любимым. Их ждала целая жизнь — прекрасная, счастливая, полная радости!

— Лиза! Не хочешь попрощаться со своими розами?

Выдра непонимающе поморгала.

— А что... Я их не увижу больше?

— Нет. Если хочешь, можешь остаться, конечно...

— Нет-нет, — вздохнула Лиза. — Раз уж мы решили... Я прощаюсь, дорогой.

Они подошли к реке, которая вела уже к большому озеру. Вдоль берега росли кроваво-красные розы — ее самая большая любовь после любви к жениху. Это цветы выслушивали ее жалобы на малодушного пугливого отца, потерявшего Лизину мать. Это цветы так похожи были на нее красотой — такой же нежной, но острой, точно пика.

— Прощайте, мои милые... Я надеюсь, вы не забудете меня! Я бы осталась, но моя любовь...

— А ты и останешься, — шепнул лис. Лиза нахмурилась.

— Ч-что?

— Красота... должна умереть.

Тяжелый камень ударил ее по макушке. Перед глазами потемнело — и выдра рухнула в воду. По спокойному стеклу озера поплыли красные круги. Лис повернул ее мордой к себе, вложил в зубы Лизы красный цветок и тихо исчез в тумане.

* * *

— Как звали ту красавицу?

— Какую, голубушка?

Две кумушки-ондатры в опрятных передничках важно шествовали по берегу реки и дальше, к озеру. Они несли в лапках корзинки с корешками — как раз возвращались с рынка в свои хатки, где ждали детки.